рабанки, подышали и, подождав к терпеть, снятого на руках у тети, отступили два шага и долго в потрясенном недоумении смотрели, словно не узнавая.

Ах! В первый же день, как только жар болезнь свалила девочку с ног, Аксинья, услышав, что эта наказывает ее бог за то, что глумилась над Натальей, вспомнила горькая Натальина фраза: „Отольются тебе мои слезы". Поклявшаяся отдать за жизнь ребенка душу, она первая рассудок, металась, в отчаянии молилась, не зная кому. „Неужели отнимет?" — билась горячечная мысль, и не веря, всей силой не желая верить, она в такую нешетово молилась, просила у бога последнюю милость: сохранить жизнь ребенка.

„Господи, прости!.. Не отнимай! Господи, хотела! Смилуйся!"

Болезнь душила маленькую жизнь. Девочка лежала пластом, из приоткрытого рта трудно прерывистый хрип. Старичок фельдшер, неотлучно находившийся в больнице, приходил раза четыре в день, щупал пульс, стоя на крыльце, покуривая, глядя на холодную россыпь осенних звезд.

Ночью Аксинья простаивала на коленях у кровати, уронив голову на руки, и хрип ребенка ее сердце.

— Ма-а-ма. — шелестели маленькие стекленевшие губы.

— Доченька моя, дочушка! — причитала звенела мать, — цветочек мой, не уходи! Танюшка, ягодка моя, открой глазки. — Господи, помоги! Господи, за что-то господи?..

Девочка изредка трудно поднимала воспаленные веки, и тогда в ее глазенках устремлялся на мать неуловимый взгляд. Аксинья ловила этот взгляд, он казался ей осмысленным, молящим, просящим.

Так на руках у матери она и умерла. В последний раз вскинулась и затихла. Аксинья, не выпуская ребенка, повалилась на пол, каталась с ним, стукаясь головой о ножку стола, пока ее не оттащили.

Под старым разодранным тополем возле трубы вырыли яму. Сашка, молча, с лопатой в руках, стоял в стороне. Аксинья, с трудом передвигая ноги, подошла туда, сама опустила в яму гробик, засыпала его землей и долго, тупо, как каменная, стояла на сырой земле.

Не оглядываясь, не оборачиваясь, как каторжник, она пошла с кладбища. Дома собрала все флаконы с одеколоном, недопитый пузырек денатурированного спирта, слила в бутыль, понюхала на цвет, сказала:

— Помянем. Царство небесное дитю. Душа ангельская, пречистая.

Выпила, перекрестилась.